

Научная статья
УДК 008:316:347,787
DOI: 10.20323/2499_9679_2023_4_35_250
EDN: HFRTPF

Культовые памятники в городском пространстве: транспозиции в диалоге времен

Ольга Ивановна Сгибнева^{1✉}, Екатерина Олеговна Беликова²

¹Доктор философских наук, профессор кафедры социологии и политологии, Волгоградский государственный университет. 400062, г. Волгоград, пр. Университетский, д. 100

²Кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и политологии, Волгоградский государственный университет. 400062, г. Волгоград, пр. Университетский, д. 100

¹olga.sgibneva@volsu.ru ✉, <https://orcid.org/0000-0001-6397-6148>

²katena.belikova.81@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8686-1770>

Аннотация. Авторы рассматривают памятники религиозной культуры как неотъемлемую часть историко-культурного наследия. Особые смыслы и пространственные формы культовых памятников являются важными факторами формирования культурной среды города. Их утрата нарушает единство культурного пространства, разрушает культурную преемственность, деформирует историческую память. На примере Царицына-Сталинграда-Волгограда прослеживается динамика культовых памятников в пространстве городской культуры, их зависимость от политики власти по отношению к религии и религиозным организациям. Культурная среда Царицына наглядно демонстрировала его многонациональный и поликонфессиональный характер. Культовые памятники отражали особенности историко-культурного развития города, многообразие художественных стилей в провинциальной архитектуре. Утраты религиозного наследия стали последствиями не только военных сражений XX века, но прежде всего связаны с трансформацией политики власти по отношению к религиозным объединениям.

В современной России с изменением государственной политики, утверждением принципов свободы совести и свободы вероисповеданий значительно меняется и культурный ландшафт городов, религиозные объекты становятся неотъемлемой частью их культурной среды. Авторами представляются спорными современные попытки искусственной интеграции воссозданных «макетов» исторических храмов Царицына в иную по стилю архитектурную среду современного города. Ряд новых храмов Волгограда стали органической частью городской культурной среды, и, как показывают социологические исследования, такие примеры позитивно воспринимаются горожанами. В то же время принимаются порой спорные решения, которые вызывают дискуссии в городском сообществе. Анализ современного процесса восстановления объектов религиозной культуры в современном городе показывает необходимость общественного обсуждения проектов, учета мнения как религиозных деятелей, так и научного сообщества, а также мнения жителей города, квалифицированной экспертизы.

Ключевые слова: культура; культурное наследие; культурная среда; памятники культуры; преемственность; транспозиция; культурная динамика; религиозная культура

Для цитирования: Сгибнева О. И., Беликова Е. О. Культовые памятники в городском пространстве: транспозиции в диалоге времен // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 4 (35). С. 250–260. http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_4_35_250. <https://elibrary.ru/HFRTPF>

Original article

Cult monuments in urban space: transpositions in the dialogue of times

Olga I. Sgibneva^{1✉}, Ekaterina O. Belikova²

¹Doctor of philosophical science, professor at the department of sociology and political science, Volgograd state university. 400062, Volgograd, Universitetsky ave., 100

²Candidate of sociological sciences, associate professor at the department of sociology and political science, Volgograd state university. 400062, Volgograd, Universitetsky ave., 100

¹olga.sgibneva@volsu.ru ✉, <https://orcid.org/0000-0001-6397-6148>

²katena.belikova.81@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8686-1770>

Abstract. The authors regard the monuments of religious culture as an integral part of historical and cultural heritage. Unique senses and spatial forms of cult monuments are important factors in shaping urban cultural environment. Their loss breaks the unity of cultural space, destroys cultural continuity, and distorts historical memory. The example of Tsaritsyn-Stalingrad-Volgograd shows the dynamics of cult monuments in the space of urban culture, their dependence on the state policy towards religion and religious organizations. The cultural space of Tsaritsyn clearly demonstrated its multi-ethnic and multi-confessional character. The cult monuments reflected the specifics of the historical and cultural development of the city, the diversity of artistic styles in provincial architecture. The loss of religious heritage was not only a consequence of the military battles in the XX century, but first of all it is connected with the changes in the policy of the authorities towards religious organizations. In modern Russia, following the changes in state policy and the transition to the principles of freedom of conscience and freedom of religion, urban cultural landscape is changing significantly, and religious sites are becoming an integral part of cities' cultural environment. The authors see as controversial the modern attempts to artificially integrate recreated «models» of Tsaritsyn's historical churches into the modern architectural environment, which is quite different in style. A number of new churches in Volgograd have integrated into the city's cultural environment and, as sociological studies show, such examples are positively viewed by the citizens. At the same time, some controversial decisions are made, which cause debates in the city community. Analyzing the current restoration process of religious cultural objects in the modern city the authors show the need for public discussion of projects, the need to take into account the opinion of both religious figures and the scientific community, as well as the opinion of the people and the qualified expertise.

Key words: culture; cultural heritage; cultural environment; cultural monuments; continuity; transposition; cultural dynamics; religious culture

For citation: Sgibneva O. I., Belikova E. O. Cult monuments in urban space: transpositions in the dialogue of times. *Verhnevolzhski philological bulletin.* 2023;(4):250–260. (In Russ.). http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_4_35_250. <https://elibrary.ru/HFRTPF>

Введение

В культуре исторически интегрированы и светские, и религиозные начала. Они то мирно сосуществуют в культурном пространстве, то вступают в спор, доходящий до конфликтного противостояния. Периоды споров и конфликтов неизбежно приводили к культурным утратам, обеднению культурного наследия. Эти процессы и их результаты наглядно отразились в динамике русской культуры, которая со времени своего становления столетиями развивалась под определяющим воздействием православной религии и церкви. При строительстве городов, других видов поселений православные храмы становились доминантами жизненного пространства людей. Переход к каменному строительству позволил на века вперед сохранить как художественные особенности культового зодчества, так и его градообразующую функцию в культурной среде.

С учетом того, что Россия исторически формировалась как многоконфессиональное государство при доминировании православия, культовые памятники стали важной частью историко-культурного наследия, той сокровищницы, которая сохраняет и передает исторический опыт от одного поколения к другому, обеспечивая их преемственность, предоставляя им возможность, осваивая прошлое, понимать настоящее и творить будущее. От средневековья к новому и новейшему времени памятники религиозной культуры пополняли наследие и новыми формами, и

новыми смыслами. Единство и целостность культурного наследия проявляется не только в историческом контексте и в его материальном воплощении [Культурный ландшафт, 2020, с. 10–11], но и в пространственных связях, подтверждающих историческую репрезентативность, аутентичность и достоверность объектов. Утрата культовых памятников в XX веке обеднила культурную среду, нарушила ее целостность и историко-культурные связи. Восстановление преемственных связей в культуре – сложный и многогранный процесс, требующий изучения как экспертного мнения, так и массового сознания, мнения горожан, ощущающих городское культурное пространство каждодневно.

Теоретические основания исследования

П. Сорокин, исследуя динамику развития культуры, при характеристике средневекового ее типа справедливо отмечал, что главным ее принципом, главной ценностью был Бог, все основные культурные виды выражали этот фундаментальный принцип: «Архитектура и скульптура средних веков были „Библией в камне“». Литература также была насквозь пронизана религией и христианской верой. Живопись выражала те же библейские темы в линии и цвете. Музыка почти исключительно носила религиозный характер. Философия была практически идентична религии и теологии... Наука была лишь прислужницей христианской

религии... Политическая организация в ее духовных и светских сферах была преимущественно теократической и базировалась на Боге и религии» [Сорокин, 1992, с. 430]. Подобная картина характерна и для западноевропейского, и русского средневековья.

Анализируя динамику русской средневековой культуры, А. Панченко приходит к выводу, что для неё историческая дистанция не имеет особого значения, ибо не человек владеет историей, а история владеет человеком. Поэтому культура – это сумма вечных идей, она не стареет, у нее нет срока давности [Панченко, 2000, с. 71]. Размыкая круг православных ассоциаций, культура нового времени, опираясь на идеи античности, рождает новые формы религиозных памятников, прежде всего в культовом зодчестве, которое продолжает оставаться важной доминантой культурной среды.

По мере освоения окружающего мира, познания законов природы, развития научного знания человек все активнее выходит за пределы религиозного мировоззрения, пополняя культурное пространство новыми явлениями, отражающими его земную жизнь, создавая «культуру сенсорную, эмпирическую, светскую» [Сорокин, 1992, с. 431]. Но религия не вытесняется из духовной жизни человека, памятники религиозной культуры остаются важной составляющей историко-культурного наследия, под которым понимается совокупность культурных ценностей, отражающих социокультурный, религиозный, научный, художественный опыт человечества, нации, народности, передающийся от поколения к поколению в качестве основы объективного осмысления истории страны, как хранитель исторической памяти общества. Именно в культурном наследии реализуется объективная закономерность развития культурно-исторического процесса – историческая преемственность, связь между различными этапами культуры, когда на основании достижений предшественников и культурных инноваций создается новое, рождаются культурные ценности, наследуемые будущим [Баллер, 1987, с. 56]. Культурное наследие выступает в виде относительно неизменных, стабильных, устойчивых культурных форм, образующих фонд наследования и опирающихся на культурную традицию.

Историческая преемственность обеспечивает устойчивость культурной динамики. Следствием разрыва преемственных связей является утрата культурных ценностей, социального опыта прошлого, что порождает деструктивные тенденции в

культурной жизни, в сознании человека. Именно культурное наследие в этом случае становится объектом разрушения новыми социальными силами как нечто архаическое, отжившее, не соответствующее современности, мешающее развитию нового. В то же время исторический опыт показывает, что идея создания новой культуры с «чистого листа» всегда оказывалась исторической иллюзией. Включая в себя достижения науки и искусства, нравственные, правовые, политические, религиозные, лингвистические ценности, обычаи и традиции, опыт человеческих коммуникаций, быта и труда, культурное наследие всегда обеспечивало воспроизводство и самосохранение культуры [Сгибнева, 1999, с. 67–68].

Результаты исследования и дискуссия

На примере российских городов можно наглядно проследить, как сказывались исторические, общественно-политические события на культурном пространстве поселений. Особенно болезненно осознаются утраты на примере городов, пострадавших не только от внутренних российских трансформаций, но и от внешних деструкций. Одним из таких городов, сменивших за свою историю три имени, является Царицын – Сталинград – Волгоград.

Возникший как сторожевая крепость сначала на острове, затем на высоком правом волжском берегу не позднее 1589 г. по указу царя Федора Иоанновича, город прошел через череду восстаний в период Смуты, по нему прокатились восстания С. Разина, К Булавина, Е. Пугачева, здесь шли кровавые бои гражданской и Великой Отечественной войн XX века. Географическое положение города делало его важным стратегическим звеном в период военных событий. Получивший имя Сталина при жизни Генерального секретаря партии, в первой половине XX века город стал полем экспериментального строительства нового социалистического города, наглядно отражающего идеологию власти.

Как и в жизни других волжских городов, особую роль в его существовании играла река. Являясь главным градостроительным и социокультурным ориентиром, она постепенно становится важным экономическим фактором, определяет ритм и характер жизни населения. Волжская торговля – основа благосостояния Царицына. Развитие паромного судоходства, а затем строительство Грязе-Царицынской и Волго-Донской железных дорог позволило некогда захолустному уездному городу Саратовской губернии превратиться к концу

XIX в. в крупный транспортный, торговый, промышленный центр юго-востока России, который вскоре стали называть «Русским Чикаго» [Максимова, Петрова, 2012, с. 63–64]. Активное промышленно-торговое развитие обеспечило невиданный для уездного города демографический рост. К 1897 г. население Царицына составило 55,2 тыс. чел., он стал вторым по величине городом Саратовской губернии, обогнав такие уездные города, как Камышин, Вольск, Дубовка, Аткарск. В 1913 г. в Царицыне проживает уже 131 тыс. чел. и, оставаясь уездным городом, он входит в число 29 крупных городов России (Владимир, Смоленск, Тверь, Уфа, Пермь и др.) с населением более 100 тыс. чел. [Максимова, Петрова, 2012, с. 68]. При участии купцов и промышленников в Царицыне строятся храмы, гимназии и училища, библиотеки, открывается театр «Конкордия», Дом науки и искусства, краеведческий музей. Постепенно меняется весь социокультурный облик города, который из пыльного захолустья постепенно трансформируется в благоустроенный город индустриального типа с развивающейся социокультурной инфраструктурой.

Географическое положение определило формирование города как многонационального и поликонфессионального. Исследователи отмечают, что на начало XX века в городе проживали русские, татары, немцы, евреи, поляки, персияне, армяне, калмыки, французы, англичане. В то же время основную массу населения Царицына составляли русские (89,5 %), и только 10,5 % распределялись между другими народностями [Максимова, Петрова, 2012, с. 139].

По вероисповедным ориентациям основная часть населения на начало XX века – это православные Русской православной церкви (более 89 %), 4,2 % составляли старообрядцы, 2,35 % – мусульмане, более 2 % – лютеране, 1,4 % – иудеи, 1 % – католики [Минх, 2010, с. 446].

В городском ландшафте Царицына культовые здания занимали доминирующее место. В XVII в. в Царицыне было построено два деревянных храма: в документах упоминаются соборная Воскресенская и Троицкая церкви. В конце XVII – начале XVIII вв. начинается возведение каменных сооружений: строятся Иоанно-Предтеченская, Троицкая, Успенская, Преображенская церкви; продолжается строительство деревянных храмов (Скорбященская, Николаевская церкви).

А. Минх в Историко-географическом словаре отмечает:

– в 1878 г. в Царицыне проживало духовенства всех вероисповеданий – 88 чел., «духовенства православного белого – 34 муж. п., 50 жен. п., магометанского – 1 муж. п., 2 жен. п. ... в городе было к 1 января 1880 г. 24568 душ об. п.; по вероисповеданиям: православного 10193 души муж. п., 10.352 жен. п.; раскольников разных сект – 223 муж. п., 255 жен. п.; римско-католиков – 206 м. п., 229 жен. п.; лютеран – 106 м. п., 97 ж. п.; еврейского – 169 м. п., 182 ж. п.; магометан – 300 муж. п., 200 жен. п.; прочих не христианских вероисповеданий – 506 муж. п. и 664 ж. п. ... Церквей было 7, из них 6 каменных 1 деревянная» [Минх, 2010, с. 445].

– в 1898 г. в городе уже проживало «56454 души об. п.» То есть за 20 лет население Царицына выросло более чем вдвое! Далее А. Минх, опираясь на данные статистического комитета Саратовской губернии, уточняет: «По вероисповеданиям: православных – 25528 муж., 24961 жен.; единоверцев – 284 муж., 418 жен.; раскольников разных сект – 762 муж., 887 жен.; римско-католиков – 253 муж., 330 жен.; лютеран – 588 муж., 567 жен.; еврейского – 281 муж., 298 жен., магометан – 651 муж., 676 жен.; пр. не христианских вероисповеданий – 41 муж., 19 ж. п. ... Духовенства православного белого – 57 муж. п., 81 жен. п.; монашествующих – 1 муж. п., 40 жен. п.; духовенства лютеранского 1 муж. п.; магометанского – 3 муж. п., 3 жен. п. ... Всех церквей, в т.ч. домовых, было: православных каменных – 10, монастырь каменный – 1, часовен каменных – 2, деревянная – 1, лютеранская церковь каменная – 1, магометанская мечеть деревянная – 1, молельня для лиц иудейского закона – 1. ... прочих церковных зданий – 6 каменных и 1 – деревянных, церковных и монастырских лавок – 1 каменная, 1 деревянная» [Минх, 2010, с. 436].

Таким образом, мы видим, что два последних десятилетия XIX в. город стремительно рос, расширялась его площадь, увеличивалось число промышленных предприятий (к концу века их было более 140, в их числе 4 чугунолитейных, 3 механических, 37 мельниц, 6 маслобоен, в т.ч. 2 – по производству горчичного масла, 10 лесопилен, завод минеральных вод и др.), в 3 раза увеличилось число каменных строений, строились школы, гимназии, училища, открылась немецкая смешанная школа (в доме лютеранского общества), татарская и еврейская школа [Минх, 2010, с. 437–442]. Город формировался как многонациональный и многоконфессиональный, причем основную часть населения состав-

ляли православные. Строятся храмовые здания разных конфессий.

К началу XX века подавляющее большинство культовых зданий были каменными. Основная часть – это православные храмы, но были построены также практически в центральной части города старообрядческая и армянская церкви, синагога, мечеть, лютеранская церковь. В начале XX века возведен каменный католический костёл.

К 1916 г. в Царицыне было 16 православных храмов. Самым древним считалась Иоанно-Предтеченская церковь, построенная на территории Царицынской крепости в 1664–1665 гг. (деревянная), в 1700–1704 гг. строится каменная церковь [Материкин, 1999, с. 50]. По мнению волгоградского историка архитектуры В. В. Серебряной, документы архивов позволяют говорить о том, что «церковь Иоанна Предтечи в царицынской архитектуре – ранняя ступень развития ярусных композиций, в которой уже четко просматривается продольная ось, еще с небольшой трапезной и с ярусным завершением четверика» [Серебряная, 2002, с. 16]. В древнейшей части Царицына располагались еще два храма: Троицкий (1710–1720 гг.) и собор Успения Божьей Матери (1718–1730, перестроен в 1850-е гг.). В храмах имелось множество церковных ценностей, описание которых сохранилось в церковных ризничных описях 1854 г. В архитектурном плане в этих храмах преобладали строгие прямые линии, в основе – четверик, перекрытый сводом с довольно плоским куполом [Серебряная, 2002, с. 19–21]. В Солдатской слободе строится Покровская церковь (1708 г. – деревянная, 1826 г. – каменная). В XVIII в. построены Спасо-Преображенская церковь (ориентировочно 1720–1729 гг., перестроена и заново освящена в 1885 г.), Скорбященская церковь (1775 г. – деревянная, 1837–1839 гг. – каменная); в XIX в. – Вознесенская церковь (1864 г.), церковь прп. Сергия Радонежского (1888 г.), Казанская церковь (1899 г.), Рождественско-Богородицкая церковь (1899 г.), Крестовоздвиженская церковь (1894–1901 гг.) и др. [Иванов, Супрун, 2003, с. 37–131]. Основные вклады в строительство православных храмов вносило царицынское купечество, в конце XIX – начале XX вв. к числу благотворителей добавились царицынские промышленники и фабриканты.

В апреле 1901 г. в центре Царицына «состоялась закладка нового собора во имя святого кн. Александра Невского, освященная епископом

Вольским Гермогеном» [Минх, 2010, с. 446]. За образец был взят проект недавно построенного собора в Оренбурге. Создается попечительство и начинается сбор средств на строительство собора. Наиболее крупные вклады внесли акционеры «Урало-Волжского металлургического общества», управление Тихорецкой железной дороги, царицынские купцы В. Н. и А. Н. Рысины, А. М. Шлыков, А. А. Репников и др. Купцом Серебряковым были подарены хрустальные кресты для внутреннего убранства собора. Строительство завершено в 1916 г., освящен собор в 1918 г. [Минх, 2010, с. 446].

Каждый из этих храмов представлял собой интересный образец русской провинциальной православной архитектуры, которая развивалась в русле общероссийских художественных тенденций XVII – начала XX вв., но имела особые черты, характерные для конкретного региона, с учетом специфики используемых местных материалов, традиций городской и сельской архитектуры. Храмы формировали внешний облик города, его панорамный вид с Волги. И все они, безусловно, составляли значительную часть историко-культурного наследия Царицына как крупного нижеволжского промышленного города, выросшего из оборонной крепости на южных рубежах Московского царства, затем Российской империи. Почти полная их утрата в первой половине XX века знаменовало собой выхолащивание и оскудение культурного пространства, той культурной среды существования человека, в которой формируются его ценности, его мировоззренческие, эстетические и нравственные ориентиры. Ведь культура – это целостное явление, накапливающая свой потенциал веками. Не случайно Д. С. Лихачёв отмечал, что «общее падение культуры непременно наступает при утрате какой-либо одной его части...» [Лихачев, 2007, с. 10].

После Октябрьской революции и гражданской войны памятники культовой архитектуры стали объектами целенаправленного разрушения как чуждые новой идеологии, функционально неприемлемые в условиях построения нового общества, В 20-е годы XX в. под разными предлогами начинается закрытие православных церквей и монастырей, культовых зданий других конфессий, их переустройство под различные общественные нужды. Причем архитектурно-художественная и историческая ценность культовых объектов не учитывалась, их облик нивелировали, стирая внешние признаки религиозно-

го сооружения [Культурное наследие ... , 2013. с. 74–76]. Еще в 1918 г. большевиками реквизируется большая часть Свято-Духова монастыря, начинается разграбление храмов центральной части Царицына [Государственный архив ... , фонд 71, л.13].

С переименованием Царицына в Сталинград (1925 г.) и становлением его как губернского, а затем и краевого центра (Нижневолжский край – 1928 г., Сталинградский край – 1934 г.) происходят значительные изменения в городской культурной среде. Начинается крупное жилищное, промышленное и культурное строительство, а параллельно – уничтожение памятников культурного зодчества. Социокультурное пространство города, центром которого были храмовые здания, лишалось своей целостности и привычности в восприятии жителей. В период 1926–1932 гг. этот процесс развивается постепенно от окраин города к его центру.

Вот как осуществлялось закрытие Никольской церкви в поселке деревообрабатывающего завода им. Я. Ермана, община которой составляла, по информации крайисполкома, 74 зарегистрированных чел., по данным самой религиозной организации – 119 зарегистрированных и 3 тыс. незарегистрированных [Государственный архив ... , фонд 313, л. 2]. Церковь передана общине по договору от 15 мая 1926 г. без пристроек, в которых разместили аптеку, стоматологический кабинет и амбулаторию. Решением Нижневолжского краевого исполнительного комитета депутатов трудящихся № 526/12 от 29 апреля 1929 г. церковь закрывается и передается для расширения амбулатории, обслуживающей 9 тыс. человек, а также для открытия детской консультации. Основанием послужил прилагающийся наказ трудящихся депутатам: «Ввиду того, что мы имеем в одном и том же помещении лечебное учреждение, а также и церковь, считаем необходимым последнюю закрыть и расширить амбулаторию» [Государственный архив ... , фонд 313, л. 3–4]. Жалобы верующих в крайисполком и Президиум ВЦИК не дали результата, община осталась без храма.

В период с 1928 до 1932 идет процесс закрытия церкви Вознесения. Построенная в 1864 г. (арх. Р. Курбатов) в торговой части города, на Базарной площади, церковь к началу XX века была самой богатой в Царицыне. И, хотя в 1922 г. прихожане храма активно участвовали в сборе средств голодающим, это не спасло храм. По «просьбам трудящихся» вопрос о закрытии

церкви сначала обсуждается в городе, предлагаются различные варианты использования культового здания, в том числе передачу его учебному заведению. Именно это предложение поддержал Народный Комиссариат земледелия и в январе 1931 г. принимается решение «О закреплении церкви Вознесения в Сталинграде за техникумом Социалистического Земледелия». В решении наркомата отмечается: «В Сталинграде недостаток помещений, вследствие чего учебное заведение Зернотреста не имеет необходимых кабинетов, учащиеся лишены возможности проведения лабораторных занятий» [Государственный архив ... , фонд 133, л. 28]. Наркомат обращается в Президиум ВЦИК с ходатайством о передаче бывшей церкви техникуму Земледелия Зернотреста Наркомата Земледелия, которое было поддержано.

По данным крайисполкома в 1930 г. в Сталинграде действовало 17 церквей и молитвенных домов: 3 церкви Русской Православной Церкви, 8 церквей Обновленческой православной церкви, 2 старообрядческие церкви, 1 Греко-Российской церкви, 1 католический костел, 1 мусульманская мечеть и 1 синагога [Государственный архив ... , фонд 133, л. 25].

Роковым для самых древних царицынских культовых памятников стал 1932 г. В этом году закрыты, разобраны или взорваны православные храмы, входившие в черту старинной Царицынской крепости: самый первый каменный храм – церковь Иоанна Предтечи (1664–1665 гг.), Троицкая церковь (1710–1720 гг.) и Успенский собор (1718 г.), который в течение 200 лет, вплоть до освящения собора Александра Невского, был кафедральным собором города. Каждый из уничтоженных храмов сыграл свою роль в истории Царицынской крепости и города Царицына, они были свидетелями строительства города, набегов и восстаний, пожаров и наводнений, церковного раскола, гражданской войны и политических реформаций, в них молились российские императоры, писатели и путешественники, миссионеры и художники, бывавшие в городе. Каждый храм отличался архитектурными формами, росписями и убранством, был хранителем историко-церковных ценностей, в том числе уникальных книг и рукописей [Минх, 2010; Иванов, Супрун, 2003]. Но это не останавливало новую власть. На месте культовых памятников отечественной истории и культуры разбит сквер, протянувшийся вдоль набережной, появились новые монументальные сооружения. Так, на месте разрушенной

Троицкой церкви в 1940 г. установлен памятник Герою Советского Союза Виктору Хользунову, уроженцу Царицына, защищавшему родной город от белогвардейцев в 1919 г., воевавшему в Испании и погибшему в 1939 г. при испытательном полете. В этот период диалог времен строился на отрицании культуры прошлого и утверждении новых идей и новых героев... Постепенно диалог подменяется монологом.

В этом же 1932 году завершилась короткая история нового кафедрального собора Царицына – храма Александра Невского. Построенный на деньги царицынского купечества и горожан, освященный в мае 1918 г., собор действовал в период гражданской войны, затем отдан обновленческой церкви и закрыт осенью 1929 г. Какое-то время здание собора использовалось для хозяйственных нужд, затем планировалось разместить в нем центральную библиотеку, краеведческий музей и дом санитарной культуры. В 1932 г. разграбленный и обветшавший храм решено было взорвать [Иванов, Супрун, 2003, с. 180].

В 1929 г. закрывают и расположенную недалеко от собора Скорбященскую церковь. Церковь эта обладала уникальным внутренним убранством. 13 октября 1901 г. газета «Царицынские ведомости» писала: «Завтра в Скорбященской церкви состоится освящение нового фарфорового иконостаса, сооруженного трудами и усердием старосты церкви купца А. Серебрякова. Фарфоровый иконостас – первый в Царицыне, да и вообще в России они очень редки, не более десятка. Такие иконостасы пока изготавливаются единственно лишь на фабрике Кузнецова, представившего свой фарфоровый иконостас на минувшей Парижской всемирной выставке и приобретенного там для русской посольской церкви в Вене» [Царицын ... , 2013, с. 126]. После закрытия церкви (1929 г.) здание передано под культурно-просветительское учреждение: вплоть до Великой Отечественной войны в церкви, лишенной крестов, размещался аэроклуб. Внутреннее убранство безвозвратно утрачено, в том числе и уникальный фарфоровый иконостас.

Похожая судьба постигла культовые здания других конфессий: в 1929 г. закрыта синагога (1906–1011 гг.), представлявшая собой уникальное в архитектурном и техническом плане сооружение, здание передано для открытия новой поликлиники; в 1934 закрыт и передан под нужды ОСОВИАХИМА построенный в 1899 г на пожертвования прихожан католический костел; в начале 30-х годов закрыты мечеть, Армянская

апостольская церковь, лютеранская кирха [Серебряная, 2002, с. 145–157].

Кирха колонии Сарепта была возведена в 1772 году на деньги прихожан (Братский Союз гернгутеров) и просуществовала до 1938 года. По решению советских властей в закрытой кирхе были демонтированы орган, всё внутреннее убранство, разобрана башня, сняты колокола, башенные часы. В 1941 г. в здании был открыт кинотеатр «Культармеец» [Парамонова, 2018, с. 22–26].

Большой урон исторически сложившемуся социокультурному пространству старого Царицына, уже обедненного борьбой с религией в Сталинграде, нанесла Великая Отечественная война. В период Сталинградской битвы город был практически полностью разрушен, пострадали все ещё оставшиеся культовые сооружения. После ковровых бомбардировок города в августе 1942 г., уличных боев зимой 1942–1943 гг. более 80 % зданий города разрушены – в основном в северной и центральной частях города, менее пострадали южные окраины. После окончания Сталинградской битвы начинается инициативное восстановление города его жителями, позднее на помощь к сталинградцам приедут добровольцы из других городов. Частично восстанавливаются и культовые каменные здания – но для гражданских нужд: здание синагоги (поликлиника), костела (используется для хозяйственных нужд, позднее здесь открывается клуб железнодорожников), в развалинах Скорбященской церкви открывается детский сад, в дальнейшем аварийное здание было разобрано. В Зацарицынской части города начинается восстановление Казанской церкви – построенная в конце XIX в. на средства прихожан, она была закрыта в 1939 г., пострадала от бомбежек (были разрушены центральный купол и колокольня). Но сразу после завершения Сталинградского сражения прихожане стали расчищать пространство вокруг храма, надеясь на его восстановление. В апреле 1946 г. власти города передают полуразрушенное здание общине верующих, и восстановление начинается не только на пожертвования, но и на государственные средства. Работы ведутся под руководством архитектора В. Н. Симбирцева, который с 1944 г. занимал должность главного архитектора Сталинграда. В условиях послевоенного времени церковь была восстановлена с отступлениями от первого проекта, она стала однокупольной, и только в 2010 году очередная реконструкция вернула былое шатровое пятикуполье. В июне

1954 г. Указом Патриарха Московского и всея Руси Алексия храм был возведен в статус соборного [Иванов, Супрун, 2003, с. 116–120] и являлся таковым до 2021 г., до освящения вновь построенного кафедрального собора Александра Невского в центре Волгограда.

Таким образом, за первые десятилетия Советской власти Царицын-Сталинград лишился значительной части культовых зданий, многие из которых представляли уникальные объекты провинциальной культовой архитектуры, обладавшие исторической и художественной ценностью. Центральная часть города, которая в 30–40 гг. XX века модернизируется как культурное пространство современного социалистического промышленного города, практически полностью освобождается от объектов религиозной культуры.

После завершения Великой Отечественной войны Сталинград восстанавливался по новому генеральному плану, и в городской культурной среде уже не было места культовым сооружениям. На весь город, протянувшийся вдоль Волги на более чем 90 км, остались два православных храма – скромный Казанский собор (бывшая кладбищенская церковь) и небольшая Никитская церковь на юге города, самая старая из сохранившихся в регионе храмов (1795 г.) и благодаря своему крайнему положению устоявшая в годы церковных гонений.

Изменение государственной политики по отношению к религии и религиозным организациям на рубеже XX–XXI вв., утверждение принципа свободы совести и свободы вероисповедания [Федеральный закон ... 1997 (ред. 2023)] привели к новым изменениям культурного пространства города. Восстановление царицынских церквей было практически невозможно – слишком сильно трансформировалась планировка города, да и проекты, чертежи многих храмов не сохранились. Это прежде всего касалось исторической части города. Сегодня большинство царицынских храмов разных вероисповеданий остались лишь на старинных открытках и архивных фотографиях... Вопросы исторических транспозиций стали серьезной проблемой и темой для дискуссий.

Так, в заплотновской части Царицына (за железной дорогой, в 3-й части города) в 1908 г. на средства купцов А. А. Репникова и К. В. Воронина была построена Сергиевская православная церковь. Закрыта она в 1932 г., затем здание использовалось для хозяйственных нужд. Во время войны церковь пострадала, но уцелела, а в 50-е годы была снесена и на ее месте построен

жилой дом. В 1993 г. по заявлению верующих православной общине была выделена земля под строительство нового храма неподалеку от исторического места. Строится храм уже по новому проекту [Иванов, Супрун, 2003, с. 182–184]. Освященная в 1999 г., церковь во имя святого Сергия Радонежского, как и ее царицынская предшественница, приветствует поезда на подходе к железнодорожному вокзалу Волгограда. Изменились локация храма и его внешний облик, но горожанами церковь Сергия Радонежского воспринята как преемница традиций утраченного царицынского храма.

Удачно вписался в ландшафтную среду Центральной набережной им. 62-й армии воссозданный Иоанно-Предтеченский храм. Закрытый и разрушенный в 1932 г., он был свидетелем строительства Царицынской крепости, а затем и города (конец XVI в. – XVII в.), развития монастырской жизни и образования в городе; в нем по пути в Азовский поход побывал Петр I [Материкин, 1999]. Но историко-культурная значимость храма не уберегла его от разрушения. Возведение храма на историческом месте оказалась невозможным в связи с коренной трансформацией пространства. Новый храм Святого Пророка Иоанна Предтечи построен на новом месте, в парковой части набережной по инициативе митрополита Волгоградского и Камышинского Германа, поддержанной органами власти города и области, и освящен в 2001 году. Храм воссоздан по сохранившимся чертежам и документам и стал органической частью современного культурного пространства.

Эти примеры свидетельствуют о том, что в сложившуюся культурную среду города вполне могут быть включены объекты, которые по своему смыслу и художественному оформлению не вступают в противоречие с этой средой, являются ее гармоническим дополнением, хотя и строятся не на историческом месте. Важным фактором является позитивное восприятие жителями города этих объектов. Проведенный социологами Волгоградского государственного университета с участием авторов в 2005 г. опрос волгоградцев (N=1200 чел.) показал, что 82 % респондентов положительно отнеслись к строительству в парковой зоне Центральной набережной православного храма.

Несколько иная ситуация сложилась со строительством в центре города собора Александра Невского. Некоторые средства массовой информации активно продвигали идею «восстановле-

ния исторического собора г. Царицына», что представляется нам недостаточно точным, так как проектная документация храма не сохранилась, архивные материалы содержат малую часть описаний собора и некоторые чертежи. Строительство собора на историческом месте также невозможно, так как планировка современного центра города радикальным образом отличается от царицынской. Руководством города и области было предложено строить собор неподалеку от исторического места, на территории сквера за центральной площадью Павших борцов. Но общественного обсуждения этой проблемы организовано не было.

Проведенное авторами эмпирическое исследование показало, что мнения волгоградцев по поводу строительства нового кафедрального собора разошлись: одни безоговорочно поддерживают строительство «исторического царицынского» кафедрального собора за центральной площадью Павших борцов, считая это место «историческим» – 20 %; другие высказали мнение, что, возможно, храм в центре города и нужен, но по другому проекту, не противоречащему сложившемуся архитектурному ансамблю центра Волгограда (34 %). Третьи не поддерживают саму идею строительства нового храма, объясняя это тем, что храмовых комплексов в городе построено за последние 30 лет достаточно, особенно православных, а учреждений культуры и образования не хватает (39 %). В ходе интервьюирования многие (52 %) выразили несогласие с трансформацией площади Павших борцов в связи с сооружением собора Александра Невского.

Пока велось строительство собора, споры и дискуссии продолжались – в СМИ, в социальных сетях, на встречах с руководством города, во время подготовки и проведения выборных компаний, во время праздничных мероприятий. Больше всего разногласий вызывала локация собора и несоответствие архитектурного облика собора художественному оформлению центра города.

Строительство кафедрального собора завершено в 2021 г., объявленного Президентом России годом 800-летия со дня рождения государственного деятеля и полководца князя Александра Невского. В сентябре этого года состоялось открытие и освящение собора. Но дискуссии вокруг нового собора не прекращаются. Во многом это связано с нарушениями порядка общественного обсуждения крупных городских проектов, игнорирование общественного мнения

теми структурами управления, которые принимают решения в сфере градостроительства, «новой мифологией», далекой от исторических реалий. Как всегда – рассудит время.

Заключение

В настоящее время культовые памятники различных религий вновь вошли в культурное пространство города, наглядно демонстрируя его конфессиональное многообразие. В религиозном пространстве города сегодня действуют православные, католические и протестантские общины, организации ислама, иудаизма, буддизма, армянской апостольской церкви. В Волгограде построены 60 храмов и часовен Русской православной церкви (значительная часть – в новых пространственных координатах), Свято-Духов мужской православный монастырь (на историческом месте), на историческом месте восстановлен католический собор Св. Николая Мирликийского. В новых пространственных условиях построены две старообрядческие церкви и храм Ново-Нахичеванской и Российской епархии Армянской апостольской церкви, 37 протестантских церквей и молельных домов, синагога Бейт Давид и школа традиционного еврейского воспитания «Ор Авнер», три мечети, Ступа Просветления Буддийского Центра Алмазного Пути Традиции Карма Кагью г. Волгограда [Беликова, Дулина, Парамонова, 2019, с. 186–191].

Однако новые храмы не изменили городскую топонимику, как это нередко было в дореволюционной России. Из 2337 улиц Волгограда только 12 сохранили традиционные названия, так или иначе связанные с конфессиональной ориентацией (Преображенская, Спасская, Софийская, Вознесенская, Покровская, Троицкая, переулок Никольский и др.). К ним добавился в 2022 году Александровский сквер рядом с собором Александра Невского. Культурное пространство города дополнили памятники святым Петру и Февронии, святому Александру Невскому; частью культурного ландшафта стали два святых источника, почитаемых православными общинами (Святой источник Пантелеимона-целителя и Святой источник Иоанна Богослова).

Таким образом, несмотря на изменение локаций культовых памятников, трансформацию объектов, они приняты значительной частью волгоградцев как неотъемлемая составляющая культурного пространства города. И хотя многие из них являются новыми объектами, жители города воспринимают их как связующее звено с про-

шлым нашего города, который более 400 лет формировался как многонациональный и многоконфессиональный центр, перекресток путей между востоком и западом, севером и югом. И пусть новые культовые объекты еще не стали памятниками культуры, но уже сегодня они ведут диалог культур, диалог прошлого и будущего.

Библиографический список

1. Баллер Э. А. Социальный прогресс и культурное наследие. Москва : Наука, 1997. 160 с.
2. Беликова Е. О., Дулина Н. В., Парамонова В. А. Коммуникация религиозных символов в социокультурном ландшафте // Религия и Коммуникация : Материалы VI Международной научно-практической конференции, Минск, 18–20 апреля 2019 года / под ред. С. И. Шатравского. Минск : Издательский дом «Ковчег», 2019. С. 186–191.
3. Культурное наследие Волгоградской области (структура и актуальные проблемы охраны памятников культуры): монография / О. В. Галкова, Е. В. Комиссарова, И. А. Петрова, О. Н. Савицкая. Волгоград : Изд-во ВолгГМУ, 2013. 332 с.
4. Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). Фонд 71. Оп. 1. Д. 144. Л. 1-15.
5. Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). Фонд 133. Оп. 1. Д. 1870. Л. 1-28.
6. Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). Фонд 313. Оп. 1. Д. 1877. Л. 1-4.
7. Иванов С. М., Супрун В. И. Православие на Волгоградской земле: храмы Царицына – Сталинграда – Волгограда. Волгоград : Изд-во ВГИПК РО, 2003. 240 с.
8. Культурный ландшафт : монография / О. В. Галкова, И. А. Петрова, Г. П. Кибасова, В. В. Глазунов. Волгоград : Издательство ВолгГМУ, 2020. 372 с.
9. Лихачев Д. С. Русская культура. Санкт-Петербург : «Искусство-СПб», 2007. 404 с.
10. Максимова И. В., Петрова И. А. «Русский Чикаго». (Уездные города Саратовской губернии в условиях модернизации) : монография. Волгоград : Изд-во ВолгГМУ, 2012. 200 с.
11. Материкин А. В. Храм Иоанна Предтечи. Страницы истории города Царицына и его первого храма. Волгоград : Комитет по печати и информации, 1999. 176 с.
12. Минх А. Н. Историко-географический словарь Саратовской губернии: Южные уезды Камышинский и Царицынский. Современная версия / под ред. проф. И. О. Тюменцева. Волгоград : Изд-во ВАГС, 2010. 568 с.
13. Панченко А. М. О русской истории и культуре. Санкт-Петербург : Азбука, 2000. 463 с.
14. Парамонова В. А. От Острога до Города (на примере Царицына – Сталинграда – Волгограда // *Primo aspectu*. 2018. № 2 (34). С. 22–26
15. Сгибнева О. И. Живая память России. Москва : Изд. ООО «Агент», 1999. 205 с.

16. Серебряная В. В. Культовое зодчество Волгоградской области. Волгоград : Изд-во ВолгГАСА, 2002. 336 с.

17. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество / общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Согомонов. Москва : Политиздат, 1992. 543 с.

18. Федеральный закон № 125-ФЗ от 26.09.1997 г. (в ред. 2023 г.) «О свободе совести и о религиозных объединениях». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/11523/> (дата обращения 21.11.2023).

19. Царицын: путешествие по страницам городской печати / сост. А. Г. Байкин. Москва : Книга, 2013. 464 с.

20. Энциклопедия Волгоградской области / гл. ред. проф. О. В. Иншаков. Волгоград : Издатель, 2007. 447 с.

Reference list

1. Baller Je. A. Social'nyj progress i kul'turnoe nasledie = Social progress and cultural heritage. Moskva : Nauka, 1997. 160 s.
2. Belikova E. O., Dulina N. V., Paramonova V. A. Kommunikacija religioznych simvolov v sociokul'turnom landshafte = Religious symbols communication in the socio-cultural landscape // *Religija i Kommunikacija : Materialy VI Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Minsk, 18–20 aprelja 2019 goda / pod red. S. I. Shatravskogo*. Minsk : Izdatel'skij dom «Kovcheg», 2019. S. 186–191.
3. Kul'turnoe nasledie Volgogradskoj oblasti (struktura i aktual'nye problemy ohrany pamjatnikov kul'tury) = Cultural heritage of the Volgograd region (structure and current problems of cultural monuments protection) : monografija / O. V. Galkova, E. V. Komissarova, I. A. Petrova, O. N. Savickaja. Volgograd : Izd-vo VolgGMU, 2013. 332 s.
4. Gosudarstvennyj arhiv Volgogradskoj oblasti (GAVO). Fond 71. Op. 1. D. 144. L. 1-15.
5. Gosudarstvennyj arhiv Volgogradskoj oblasti (GAVO). Fond 133. Op. 1. D. 1870. L. 1-28.
6. Gosudarstvennyj arhiv Volgogradskoj oblasti (GAVO). Fond 313. Op. 1. D. 1877. L. 1-4.
7. Ivanov S. M., Suprun V. I. Pravoslavie na Volgogradskoj zemle: hramy Caricyna – Stalingrada – Volgograda = Orthodoxy on the Volgograd land: the churches of Tsaritsyn – Stalingrad – Volgograd. Volgograd : Izd-vo VGIPK RO, 2003. 240 s.
8. Kul'turnyj landshaft = Cultural landscape : monografija / O. V. Galkova, I. A. Petrova, G. P. Kibasova, V. V. Glazunov. Volgograd : Izdatel'stvo VolgGMU, 2020. 372 s.
9. Lihachev D. S. Russkaja kul'tura = Russian culture. Sankt-Peterburg : «Iskusstvo-SPb», 2007. 404 s.
10. Maksimova I. V., Petrova I. A. «Russkij Chikago». (Uezdnye goroda Saratovskoj gubernii v uslovijah modernizacii) = «Russian Chicago». (Rigional towns of Saratov Province in the context of modernization) : monografija. Volgograd : Izd-vo VolgGMU, 2012. 200 s.

11. Materikin A. V. Hram Ioanna Predtechi. Stranicy istorii goroda Caricyna i ego pervogo hrama = The Church of St. John the Baptist. History of Tsaritsyn and its first church. Volgograd : Komitet po pečati i informacii, 1999. 176 s.
12. Minh A. N. Istoriko-geograficheski slovar' Saratovskoj gubernii: Juzhnye uezdy Kamyshinskij i Caricynskij. Sovremennaja versija = Historical-geographical dictionary of the Saratov province: Southern districts of Kamyshin and Tsaritsyn. Modern version / pod red. prof. I. O. Tjumenceva. Volgograd : Izd-vo VAGS, 2010. 568 s.
13. Panchenko A. M. O ruskoj istorii i kul'ture = On Russian history and culture. Sankt-Peterburg : Azbuka, 2000. 463 s.
14. Paramonova V. A. Ot Ostroga do Goroda (na primere Caricyna – Stalingrada – Volgograda = From jail to city (based on the example of Tsaritsyn – Stalingrad – Volgograd) // Primo aspectu. 2018. № 2 (34). S. 22–26
15. Sgibneva O. I. Zhivaja pamjat' Rossii = The vivid memory of Russia. Moskva : Izd. OOO «Agent», 1999. 205 s.
16. Serebrjanaja V. V. Kul'tovoe zodchestvo Volgogradskoj oblasti = Religious architecture of the Volgograd region. Volgograd : Izd-vo VolgGASA, 2002. 336 s.
17. Sorokin P. A. Chelovek. Civilizacija. Obshhestvo = Man. Civilization. Society / obshh. red., sost. i predisl. A. Ju. Sogomonov. Moskva : Politizdat, 1992. 543 s.
18. Federal'nyj zakon № 125-FZ ot 26.09.1997 g. (v red. 2023 g.) «O svobode sovesti i o religioznyh ob#edinenijah» = Federal Law No. 125-FZ of 26.09.1997 (revised 2023) «On Freedom of Conscience and Religious Associations». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/11523/> (data obrashhenija 21.11.2023).
19. Caricyn: puteshestvie po stranicam gorodskoj pečati = Tsaritsyn: a journey through the pages of the city press / sost. A. G. Bajkin. Moskva : Kniga, 2013. 464 s.
20. Jenciklopedija Volgogradskoj oblasti = Encyclopedia of the Volgograd region / gl. red. prof. O. V. Inshakov. Volgograd : Izdatel', 2007. 447 s.

Статья поступила в редакцию 14.08.2023; одобрена после рецензирования 05.09.2023; принята к публикации 20.10.2023.

The article was submitted on 14.08.2023; approved after reviewing 05.09.2023; accepted for publication on 20.10.2023.